

ВЪНОКЪ

НА МОГИЛУ ІЕРОМОНАХА О. СИМЕОНА.

ВОЛОГДА.

Типо-литографія Шахова и Клыкова.

1903.

Вѣнокъ на могилу іеромонаха о. Симеона.

Въ Вологодскомъ женскомъ монастырѣ, за алтаремъ Успенской церкви, насыпанъ свѣжій могильный холмъ. Здѣсь часто слышатся заупокойныя пѣснопѣнія, которыя, вызывая умиленіе и тихую грусть у обстоящей могилу группы людей, окрыляютъ духъ ихъ возносить Богу теплыя молебны. Сюда, къ могилѣ въ разное время дня приходятъ многія лица—изъ образованныхъ и простонародья, которыя благоговѣнно молятся предъ образомъ Матери Божіей, находящемся на могильномъ крестѣ, глубоко задумываются, поникнувъ головой, и чистыя слезы падаютъ изъ глазъ ихъ и орошаютъ сырую землю. Такъ усердно являются на дорогія могилы своихъ родителей дѣти или близкіе родственники особенно въ первое время послѣ разлуки съ тѣми, съ коими соединяютъ ихъ родственныя связи. Что же притягиваетъ къ этой могилѣ посѣтителей изъ разныхъ слоевъ общества, разныхъ званій и состояній? Здѣсь недавно похороненъ инокъ, пришлецъ вятскій, недолго служившій церкви Вологодской. Есть связь, которая сближаетъ людей болѣе тѣсно и создаетъ между ними союзъ болѣе крѣпкій, чѣмъ тотъ, который существуетъ между плотскими родителями и дѣтьми. Эта связь, устанавливающаяся между пастырями церкви и духовными ихъ дѣтьми, которыя ввѣряютъ первымъ руководство ихъ духовною жизнью, открываютъ тайники своего сердца, невѣдомые никому, даже родителямъ, ища у отцовъ духовныхъ наставленія и освѣщенія истиннаго пути жизни, врачевства для излеченія

духовныхъ недуговъ и благодатной помощи для достиженія нравственнаго совершенства въ мѣру возраста исполненія Христова. Глубокое уваженіе духовныхъ дѣтей собираетъ ихъ у могилы инока о. Симеона, который посвятилъ свою жизнь на служеніе Богу и спасеніе ближнихъ; благоговѣйная любовь ихъ возбуждаетъ сердца изливать свою мольбу о упокоеніи того, чье сердце жаждало всѣмъ сдѣлать то, что для нихъ было дорого, необходимо и спасительно. Недолгое время, всего 7 съ небольшимъ лѣтъ пробывъ о. Симеонъ въ Вологдѣ, но многихъ вразумилъ, отвратилъ отъ зла и направилъ на путь истины, у многихъ отеръ слезы, утѣшилъ и водворилъ миръ въ душѣ, многихъ изнемогающихъ поднялъ, колеблющихся укрѣпилъ.... Постоянно пребывая въ бореніи съ помыслами и трезвеніи, укрѣпляемый молитвою, о. Симеонъ считалъ своимъ иноческимъ долгомъ служить спасенію ближнихъ, приходившихъ къ нему за удовлетвореніемъ своихъ духовныхъ нуждъ. Его умному взору въ этомъ случаѣ представлялись образы великаго Антонія и др. подвижниковъ пустыни, выходившихъ изъ нея съ опаленнымъ солнцемъ лицомъ, во власяницѣ, которые своимъ и внѣшнимъ видомъ, и огненнымъ словомъ жгли сердца людей, побѣждая ихъ въ послушаніе закону Христову. Примѣръ отечественныхъ подвижниковъ, основателей русскаго иночества—преп. Θεодосія Печерскаго, Сергія Радонежскаго и ихъ учениковъ и собесѣдниковъ, которые принимали на исповѣдь князей, бояръ и простецовъ, занимались учительствомъ слова Божія, печалованіемъ за сирыхъ и несчастныхъ, благотвореніемъ бѣднымъ, проповѣдію среди невѣрныхъ, располагали о. Симеона пораждать ихъ дѣятельности и служить ближнимъ во всѣхъ ихъ нуждахъ. Какъ жаждущіе въ знойный день путники съ радостію бросаются къ встрѣченному въ дорогѣ источнику чистой воды, чтобы освѣжиться и утолить свою жажду, такъ люди, изнемогающіе отъ господствующей кругомъ черствости и самозамкнутости, чувствуя близъ себя біеніе добраго, смиреннаго и любвеобильнаго сердца, устремились къ о. Симеону со своими духовными потребностями. Одни исповѣдывали

предъ нимъ свои грѣхи, открывая глубины своего сердца, и онъ, какъ духовный врачъ, лечилъ ихъ язвы, наставлялъ, молился, утверждалъ и укрѣплялъ ихъ въ добръ чрезъ причащеніе Тѣла и Крови Христовыхъ, постоянно и старательно слѣдя за нравственнымъ развитіемъ духовныхъ дѣтей, заботясь о преуспѣяніи ихъ въ духовной жизни, такъ что, подобно Апостолу, онъ могъ бы говорить имъ: чадца, ими же болѣзную, дождеже вообразится въ васъ Христосъ (Гал. 4, 19); другіе приходили къ отзывчивому батюшкѣ за разрѣшеніемъ религіозныхъ сомнѣній и для укрѣпленія вѣры, за совѣтомъ и утѣшеніемъ въ горѣ, за матеріальной помощью и вообще обращались къ нему со столь разнообразными запросами и потребностями, какъ разнообразна жизнь человѣческая, и онъ былъ всеѣмъ для всехъ, да велико иѣкія спасти, по слову Апостола (1 Коринт. 9, 22). Все же вообще, проникаясь его горячею молитвою и, видя въ немъ усерднаго предстателя за грѣшныхъ людей, просили у него молитвы: и онъ ходатайствовалъ предъ Богомъ о вразумленіи заблудившихъ, укрѣпленіи падающихъ духомъ, уврачеваніи порочныхъ, утѣшеніи скорбящихъ.... Не стало о. Симеона, разлучился онъ тѣломъ съ духовными дѣтьми и почитателями, но не прекратилась ихъ духовная связь—они вѣрятъ, что теплый молитвенникъ на землѣ о. Симеонъ по выходѣ изъ темницы тѣла будетъ ходатайствовать за нихъ предъ Богомъ въ небесныхъ обителяхъ; а сами усердно молятся объ упокоеніи души почитаемаго батюшки, помня завѣты его, съ намѣреніемъ слѣдовать имъ и усвоить тѣ добрыя качества души, благоуханія которыхъ, какъ ароматъ отъ кривовъ, они вдыхали во дни его жизни.

Еще въ юномъ возрастѣ у о. Симеона стали обнаруживаться тѣ черты его духа, которыя развились подъ дѣйствіемъ благодати Божіей и такъ сильно привлекали къ нему всехъ, нищихъ спасенія, страждущихъ и обремененныхъ грѣхами людей.

О. Симеонъ до иночества.

Отецъ Симеонъ, въ мѣрѣ Константинъ Константиновичъ Стефановъ, родился 15-го декабря 1867 года въ Вятской губерніи. Онъ былъ сынъ діакона села Порѣвскаго, Глазовскаго уѣзда. 8-ми лѣтъ остался онъ сиротою, лишившись отца. По словамъ матери, сынъ ея росъ скромнымъ, послушнымъ мальчикомъ, рѣдко принимая участіе въ дѣтскихъ играхъ своихъ товарищей. Сирота рано увидѣлъ бѣдность и слезы, которыя оставили неизгладимое впечатлѣніе въ его душѣ на всю жизнь, сдѣлавъ его другомъ всѣхъ скорбящихъ и нуждающихся. Рано привыкъ онъ къ молитвѣ, полюбивъ ее всѣмъ сердцемъ. Въ Глазовскомъ духовномъ училищѣ, куда поступилъ для полученія образованія, Константинъ Стефановъ оставилъ воспоминаніе о себѣ, какъ о благонаравномъ, старательномъ и внимательномъ ученикѣ, любившемъ заниматься чтеніемъ книгъ и искавшемъ уединенія, вслѣдствіе чего ему приходилось терпѣть обиды отъ рѣзвыхъ товарищей. По окончаніи училища Стефановъ поступилъ въ Вятскую духовную семинарію. Развившееся сильное малокровіе заставило его въ бытность въ V классѣ, въ началѣ учебнаго года, оставить семинарію, несмотря на любовь къ наукѣ и чтенію книгъ, которому отдавался любознательный юноша въ свободное отъ учебныхъ занятій время. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода изъ семинаріи, именно, съ 22-го января 1888 года Константинъ Стефановъ начинаетъ свое служеніе св. церкви въ качествѣ псаломщика. Въ низшей степени церковнаго клира въ родной епархіи онъ прослужилъ около 8-ми лѣтъ въ нѣсколькихъ приходахъ: въ Вятскихъ Полянахъ Малмыжскаго уѣзда, въ Шарканскомъ, Нижнелыпскомъ Сарапульскаго уѣзда и при Воскресенской кладбищенской г. Сарапула церкви. Храмъ сталъ для него любимымъ мѣстомъ, прочувствованное чтеніе и умиляющее душу пѣніе—первою заботою, помощь пастырямъ въ ихъ просвѣтительныхъ трудахъ—прямою обязанностію, вразумленіе и наученіе

прихожанъ истинамъ вѣры и нравственности—насущною потребностью. „Всегда исполнительный, смиренно скромный, пишетъ о немъ сослуживецъ—священникъ Шарканскаго прихода съ 15-ти—тысяч. населеніемъ, онъ не пропустилъ ни одной службы церковной, почти всегда являясь въ храмъ Божій ранѣе другихъ и уходя оттуда послѣ другихъ. Читаль онъ громко, ясно, съ религіозною настроенностію, такъ что чтеніе его невольно трогало богомольцевъ и отклоняло ихъ отъ суетныхъ помышленій“. Зная, какъ могуче дѣйствуетъ на душу молящихся стройное церковное пѣніе, псаломщикъ имѣлъ всегдашнюю мечту—видѣть весь народъ, стоящій въ церкви, участвующимъ въ пѣніи, прославленіи Бога единымъ сердцемъ и едиными устами, и усиленно, не жалѣя силъ, старался осуществить свою мечту, и въ приходахъ, гдѣ Богъ привелъ служить о. Симеону, церковное пѣніе поставлено было имъ на должную высоту. Помочь пастырямъ Стефановъ искалъ всякаго случая. „Чуть только не свободенъ чередной священникъ—для поученія народа, пишетъ тотъ же бывшій сослуживецъ о. Симеона, молодой псаломщикъ готовъ къ услугамъ—береть книжку, или указанную священникомъ, или ранѣе самимъ приготовленную, и начинаетъ чтеніе или ведетъ бесѣду. Рѣчь его простая, назидательная лилась отъ сердца, потому что согрѣвавшій ее огонь любви къ ближнимъ побуждалъ благочестиваго псаломщика вразумлять, давать полезные совѣты столь нуждающемуся въ духовной помощи крестьянскому люду. Въ великопостное время, также наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, квартира привѣтливаго, гостеприимнаго и учительнаго псаломщика всегда была полна богомольцевъ—старыхъ и молодыхъ, которымъ дорого спасеніе души. Съ ними онъ бесѣдовалъ иногда до глубокой ночи, читая духовныя назидательныя книги, говоря о необходимости, спасительности таинствъ, о почитаніи пастырей, вредѣ пьянства, необходимости избѣгать ссоръ, вражды, которая сильно разбиваетъ семейную жизнь.... Болѣе всего потрудился Константинъ Константиновичъ надъ просвѣщеніемъ вотяковъ—инородцевъ, всѣми силами борясь противъ ихъ

языческихъ суевѣрій. Нерѣдко случалось, что въ праздничные дни псаломщикъ отправлялся въ деревни приходоу, забирая съ собою прологи, четви-миней, сборники религиозно-нравственныхъ статей, и, читая ихъ, представлялъ предъ умственнымъ взоромъ своихъ слушателей картины жизни святыхъ, ихъ добродѣтели и подвиги, призывая при этомъ къ подражанію имъ и исправленію тѣхъ недуговъ духовныхъ, которыми обычно страдаютъ люди. Тамъ, гдѣ между крестьянами распространено было пьянство, благочестивый псаломщикъ дѣйствовалъ противъ этого порока и имѣлъ успѣхъ. Жены многихъ, увлекавшихся винопитіемъ, и теперь со слезами глубокой благодарности вспоминаютъ своего бывшего псаломщика, убѣдившаго ихъ мужей побороть въ себѣ пагубную страсть. Въ дер. Собинской, гдѣ онъ былъ учителемъ школы грамоты, православные жители нуждались въ водвореніи въ ихъ душахъ мира, нарушаемаго наговорами и хуленіями на церковь раскольниковъ—своихъ сосѣдей; псаломщикъ-учитель велъ въ школѣ много бесѣдъ, направленныхъ противъ раскола, чѣмъ многихъ колеблющихся въ вѣрѣ укрѣпилъ, поддержалъ и сохранилъ въ лонѣ церковномъ. Учителное слово Стефанова слышалось въ домахъ прихожанъ и во время сборовъ руги. Пренебрегавшій благами міра сего, будущій инокъ, несмотря на укоризну своихъ сослуживцевъ, былъ очень невзыскателенъ при производствѣ сборовъ; съ бѣдныхъ же не только ничего не получалъ, но даже самъ дѣлился съ ними своими скудными крохами. Сочувствующій и сострадательный, онъ любилъ посѣщать больныхъ, вдовъ и сиротъ, утѣшая ихъ теплою бесѣдою о безропотномъ перенесеніи посланнаго имъ Богомъ жребія. Безпомощность больныхъ въ деревнѣ побуждала добраго псаломщика заняться медициной, чтобы хотя сколько-нибудь своими совѣтами облегчить страданія недугующихъ; въ его книгахъ сохранилась тетрадь, писанная его рукою во дни псаломщичества, заполненная замѣтками о самыхъ простыхъ средствахъ, которыя можно найти въ деревенскомъ быту отъ разныхъ болѣзней. Открытый и общительный Константинъ Стефановъ

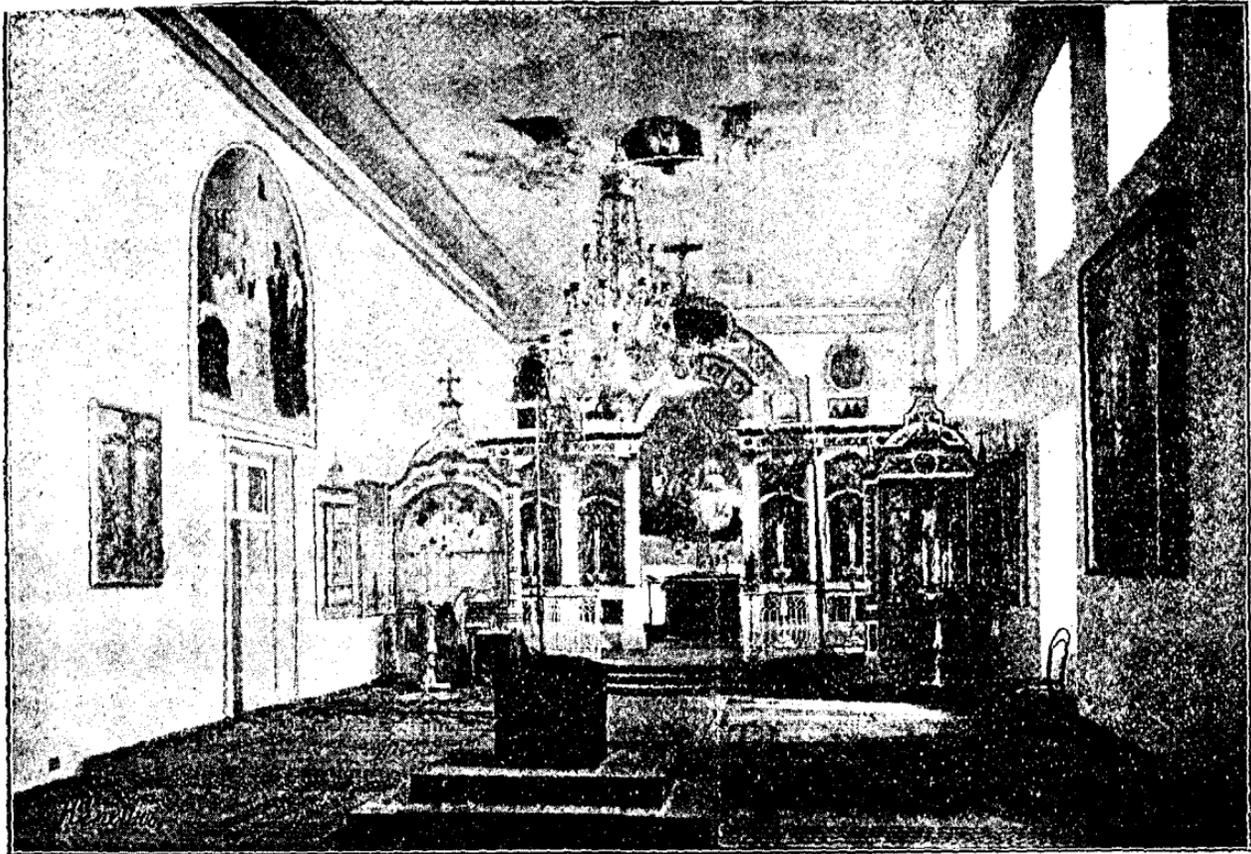
не чуждался лицъ сельской знати, начитанной въ святоотеч. и богословской литературѣ, онъ былъ занимательнымъ собесѣдникомъ и убѣжденнымъ христіаниномъ, исправлявшимъ у нѣкоторыхъ ошибочные взгляды на ученіе вѣры и св. церкви. Благочестивый, образцовый псаломщикъ, являвшійся дѣйствительнымъ помощникомъ священниковъ, по отзыву ихъ, посылалъ много добрыхъ сѣмянъ въ душахъ прихожанъ и содѣйствовалъ поднятію религіозно-нравственной ихъ жизни, за что снискалъ себѣ всеобщее уваженіе и любовь въ тѣхъ приходахъ, гдѣ онъ служилъ. Почтеніе къ Константину Стефанову со стороны прихожанъ было настолько сильно, что когда онъ въ 1901 году іеромонахомъ пріѣзжалъ ненадолго изъ Вологды въ с. Шарканъ, гдѣ былъ псаломщикомъ болѣе 3 лѣтъ, съ ранняго утра и до поздняго вечера шли къ нему его почитатели за благословеніемъ, совѣтомъ и утѣшеніемъ, причемъ вмѣстѣ съ шарканскими видѣлись въ числѣ посѣтителей жители и сосѣднихъ приходоу; когда вѣсть о смерти о. Симеона достигла до дорогихъ ему весей, то, сообщаетъ Шарканскій священникъ, жители дер. Собинской, гдѣ о. Симеонъ былъ учителемъ школы и защитникомъ православія отъ нападокъ раскольниковъ, всѣ (130 домовъ въ деревнѣ) собрались и пригласили своего священника отслужить по покойномъ панихиду въ находящейся у нихъ церкви-школѣ.

Воспитанная съ дѣтства отрѣшенность отъ мірскихъ интересовъ, жизнь для Бога, пребываніе среди смиреннаго народа русскаго-богоносца укрѣпили въ Константинѣ Константиновичѣ намѣреніе отдать себя всецѣло на служеніе Богу и принять иночество. Стремленіе это во время одного приступа болѣзни, заставившей его выйти изъ семинаріи, выразилось въ обѣщаніи—если Господу угодно будетъ воздвигнуть его для жизни—постричься въ монахи съ именемъ Симеона, въ честь св. праведнаго Симеона Верхотурскаго, предстательства у котораго предъ Богомъ просилъ онъ во время болѣзни. Доброму намѣренію Стефанова суждено было исполниться въ невѣдомой ему Вологдѣ.

24-го ноября 1895 года, будучи помощникомъ миссіонера по Сарапульскому викаріатству, Константинъ Константиновичъ Стефановъ перешелъ на службу въ Вологодскую епархію. Онъ пріѣхалъ къ Преосвященному Вологодскому Алексію, у котораго служилъ въ г. Сарапулѣ, въ бытность преосвященнаго викаріемъ Вятской епархіи, и просилъ его принять подъ свое Архипастырское попеченіе, выразивъ свое настроеніе и цѣль прибытія словами: „спастись хочу“. Константинъ Стефановъ поселяется въ Вологодскомъ Архіерейскомъ домѣ, принимая послушаніе чтеца и пѣвца Крестовой церкви. Жизнь въ губернскомъ городѣ, имѣющемъ духовную семинарію и хранилища книгъ по разнымъ отраслямъ богословскаго и философскаго знанія, пробудили въ любознательномъ послушникѣ желаніе систематически заняться изученіемъ богословскихъ наукъ. Съ этою цѣлью онъ поступаетъ въ 5-й классъ Вологодской семинаріи и, несмотря на свой сравнительно съ прочими товарищами старшій возрастъ, наравнѣ съ ними и даже болѣе ихъ занимается уроками, пишетъ сочиненія, читаетъ книги и въ результатѣ получаетъ званіе студента семинаріи.

О. Симеонъ—инокъ.

Во время пребыванія въ богословскихъ классахъ духовной семинаріи Константинъ Стефановъ вступаетъ въ ряды иноковъ, получая имя Симеона, чтобы во всеоружіи воина Христова подъ покровомъ св. тезоименника бороться со врагомъ спасенія и жить ради духовнаго блага ближнихъ. Трогательный обрядъ постриженія былъ совершенъ надъ нимъ 28-го февраля 1897 года Преосвященнымъ Алексіемъ; этотъ день глубоко запечатлѣлся въ памяти постриженнаго на всю жизнь. То былъ день новой жизни, господствующее настроеніе которой могло выразиться въ краткомъ апостольскомъ изреченіи: „Мнѣ еже жити Христось, и еже умрети—пріобрѣтеніе есть“. Благоговѣйный, смиренный, проникнутый молитвеннымъ духомъ инокъ Симеонъ вскорѣ послѣ постриженія руко-

Внутренній видъ Крестовой церкви Вологодскаго Архіерейскаго дома.

полагается въ санъ іеродіакона, а затѣмъ черезъ недѣлю посвящается во іеромонаха для служенія въ Крестовой церкви.

О. Симеонъ удостоился стоять предъ Престоломъ Божиимъ... Живо представляя свое недостойнство и проникаясь величіемъ служенія приношенія безкровной жертвы, онъ умилялся духомъ. Вздохи покаянія вырывались изъ груди, слезы умиленія текли по лицу колѣнопреклоненнаго предъ Престоломъ внока. Это были искреннія, естественныя обнаруженія глубокихъ чувствованій, наполнявшихъ его смиренную душу, когда онъ, призывая Духа Святаго, освящалъ св. Дары и молился за весь міръ, сострадая всѣмъ. Съ благоговѣніемъ и охотою о. Симеонъ отправлялъ послѣ вечерняго богослуженія и литургіи молебствія и панихиды, по просьбѣ богомольцевъ, приходившихъ въ Крестовую церковь. Неутомимый молитвенникъ во время служенія панихидъ вычитывалъ всѣ тропари канона, нѣсколько разъ повторялъ имена поминавшихся и съ глубокимъ чувствомъ молился объ упокоеніи душъ ихъ. Совершая молебное пѣніе въ присутствіи многихъ посѣтителей храма, онъ любвеобильный стремился, чтобы всѣ они получили отраду, утѣшеніе и вышли изъ храма съ тѣми чувствами и съ такимъ настроеніемъ, какое для каждаго изъ нихъ было необходимо и спасительно. Съ этою цѣлью имъ съ одушевленіемъ въ концѣ молебновъ читались молитвы св. Троицы, Матери Божіей, Ангелу Хранителю, св. Угодникамъ и молитвы „на разныя потребности“. Воскресныя вечерни въ великій постъ, послѣ которыхъ о. Симеономъ совершались молебныя пѣнія „о умноженіи любви и искорененіи ненависти и всякія злобы“, привлекали въ Крестовую церковь множество молящихся; съ глубокимъ чувствомъ и безъ поспѣшности о. Симеонъ служилъ эти молебны, прочитывая всѣ умиленные прошенія, положенныя на эктеніяхъ. Когда случалось о. Симеону выступать съ поученіемъ съ церковнаго амвона, то вся масса народа быстро обступала его и не сводя глазъ, съ затаеннымъ дыханіемъ внимала его бесѣдѣ. Прекрасную картину можно было созерцать иногда въ Крестовой церкви во время служеній молебновъ о. Симеономъ: при мер-

цаніи лампадъ—колѣнопреклоненный пастырь, одушевленно читающій молитвы, окруженный многочисленнымъ народомъ, тоже колѣнопреклоненнымъ; видимо, что присутствовавшими тутъ выливалась душа,—все, что накопилось въ ней грѣхознаго и скорбнаго, и она получала подкрѣпленіе и дивное врачество. Батюшкѣ подавались записки именъ для поминовенія, ихъ онъ бралъ себѣ и тщательно сохранялъ,—такъ что съ теченіемъ времени ихъ накопилось у него такое множество, что они могли умѣститься связанными въ нѣсколько платковъ. На проскомидіи, напр., во дни св. Пасхи и въ будни, онъ старался помянуть всѣхъ, чьи имена занесены были въ находящихся у него памяткахъ.

Какъ пламенна и усердна была его келейная молитва—это вѣдомо одному Богу. При несеніи молитвеннаго правила онъ руководствовался наставленіями св. отцовъ и великихъ подвижниковъ, пользовался указаніями нашихъ отечественныхъ молитвенниковъ, правила которыхъ онъ списывалъ для себя своею рукою. Записей съ молитвами, которыхъ не было въ имѣющихся у него молитвословахъ, но которыя такъ трогали его чуткое сердце, у о. Симеона составилось значительное количество. Акаеисты же Господу Іисусу Христу, Богоматери, Угодникамъ Божіимъ имъ пріобрѣтены были, кажется, всѣ, какіе только имѣются въ печати. Молитва церковная и молитва въ келіи въ св. углу ея, украшенномъ, по древнерусскому обычаю, множествомъ св. иконъ, съ возженными лампадами, обновляла и укрѣпляла о. Симеона въ иноческихъ его нуждахъ, подавая ему благодатныя силы для успѣшнаго дѣланія на благо ближнихъ. Благодатную помощь молитвы и ея сладость о. Симеонъ выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи:

„Не плачь въ бѣдѣ великой, милый другъ:
 Не смоешь горя горькими слезами;
 Молитвой лучше подкрѣпи свой духъ
 И твердыми иди впередъ шагами.
 Препятствій много встрѣтишь впереди
 Ты, можетъ быть; но съ теплою мольбою

Не бойся ничего, не плачь, иди
 И въ бой вступаи съ жестокою молвою.
 Молись, молитва духъ твой подкрѣпитъ,
 Ты побѣдишь и скорбь и злое горе;
 Въ твоёмъ усталомъ темномъ взорѣ
 Повѣрь, мой другъ, лучъ счастья заблеститъ“.

Келлія о. Симеона загромождена была книжными богатствами, взятыми имъ для пользованія изъ разныхъ библіотекъ и отчасти приобрѣтенными на свои средства. У него подъ руками находилось много твореній св. Отцовъ (преимущественно въ старинныхъ изданіяхъ), Прологи, Четы-Минеи. Все, что сильно поражало его умъ или затрагивало сердце, все, что могло служить для отвѣта на волнующіе современное общество вопросы и могло благотворно подѣйствовать на ихъ душу, заносилось имъ въ тетради, чтобы крѣпче утвердилось въ хранилищѣ его памяти. Изреченія о смиреніи, милосердіи и миротвореніи, о понужденіи къ молитвѣ, о способахъ ея, о терпѣливомъ перенесеніи страданій; мысли, убѣдительно доказывающія неосновательность разныхъ противохристіанскихъ теорій, замѣтки по поводу модныхъ ложныхъ взглядовъ на церковь и ея ученіе—можно найти въ оставшихся послѣ отца Симеона записяхъ. Книги св. писанія, подвижнич. сочиненій: Добротолюбіе, Лѣствица преподобнаго Іоанна, твор. аввы Дороея, Исаака Сирянина, Отчникъ еп. Игнатія, сочиненія еп. Теофана-затворника—были настольными книгами о. Симеона. Въ нихъ—неисчерпаемое богатство душеполезнаго опыта и свѣдѣній, необходимыхъ для инока при несеніи имъ подвига, какъ для распознаванія тончайшихъ движеній страсти и борьбы съ нею, такъ и для правильнаго и успѣшнаго внутренняго дѣланія. Указанія и наставленія великихъ знатоковъ души человѣческой какъ огоньки освѣщаютъ духовное состояніе инока и даютъ ему истинное направленіе для достиженія безстрастія, плодовъ Духа: мира, долготерпѣнія, вѣры, кротости, воздержанія, и для полученія небеснаго царства Христова. „Горе великое, нерѣдко говариваль отецъ Симеонъ, что въ нашихъ монастыряхъ мало распространены

книги Добротолюбія, онѣ должны быть въ каждой келліи у всякаго монаха, который при чтеніи сихъ книгъ будетъ внимательнѣе относиться къ своей духовной жизни и въ правилахъ и наставленіяхъ подвижниковъ найдетъ надежныя, испытанныя средства для побѣды надъ искушеніями“. Такія мысли о. Симеонъ высказывалъ на основаніи личнаго опыта, ибо слова наставниковъ иночества располагали его оставаться съ самимъ собою, присмотрѣться къ своему внутреннему міру, уходить всѣми чувствами и помыслами въ глубину своей совѣсти, постоянно заботиться объ очищеніи и обновленіи своего духа. „Уединеніе, часто повторялъ онъ, такъ же необходимо для души, какъ воздухъ для тѣла, и не только оно нужно для инока, но и для всякаго человѣка, заботящагося о своемъ спасеніи“. Особенно сильно и часто о. Симеонъ высказывалъ про стремленіе къ уединенію за годъ до своей кончины, уносясь мыслями своими къ вожделѣнному Аѳону.

Когда кругомъ кипѣла жизнь съ ея разнообразными интересами и суетой, о. Симеонъ живо помнилъ о своемъ иноческомъ долгѣ и въ тиши своей келліи пребывалъ въ молитвѣ, трезвеніи, чтеніи вѣчныхъ глаголовъ Божіихъ и наставленій умудренныхъ благодатію Христовою подвижниковъ благочестія.

На службѣ ближнихъ.

Православный русскій народъ, воспитанный въ смиренномъ послушаніи волѣ Божіей, глубоко чтитъ молитвенныхъ пастырей. Чуткій сердцемъ, онъ не ошибется, пойметъ, у кого искренняя и теплая молитва, и къ такому пастырю потянутся вѣрующіе и простые люди со своими запросами и нуждами. Усердная, сердечная и умиляющая душу молитва о. Симеона стала привлекать въ Крестовую церковь множество богомольцевъ, которые послѣ служенія искали у теплаго молитвенника благословенія, обращались къ нему за совѣтами, дѣлились горемъ. Любвеобильный, сострадательный, простосердечный иннокъ радъ былъ послужить всѣмъ, тѣснившимся около него людямъ, дать имъ все, что имъ нужно до край-

Крестовая церковь (съ южной стороны).

ности. У него для всякаго было ласковое, участливое слово; добрый совѣтъ, отъ искренняго сердца исходящее вразумленіе.... Задушевность и чарующая доброта о. Симеона при современной расчетливости и черствости, открытость его при существующей самозамкнутости была притягательна. Молва испытавшихъ на себѣ участіе добраго сердца людей объ опытномъ и молитвенномъ наставникѣ, о его общедоступности, благотворности воздѣйствія его слова на душу, разнеслась далеко за предѣлы города, распространившись даже въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Вологодской и даже сосѣднихъ губерній. „Откуда вы?“ спрашивали у старушекъ, попавшихъ во дворъ архіерейскій и домогавшихся добратъся до о. Симеона. „Съ Сямжины (глухой мѣстности Кадниковскаго уѣзда), изъ-за Тотьмы“, отвѣчали они. „Зачѣмъ вы пришли сюда?“—„Попросить благословенія у батюшки о. Симеона и поговорить съ нимъ: мы о немъ наслышаны“, прибавляли старушки.

Кончалась вечерня или литургія въ Крестовой церкви. О. Симеонъ проходилъ въ свою келью. На пути его встрѣчала толпа народа. Всѣ хотѣли получить его благословеніе. Тутъ были нарядно одѣтыя женщины и простыя поселянки, мужички и студенты, взрослые, старцы и дѣти.

Благословляя истово крестомъ—по раменамъ, батюшка почти у каждаго справлялся о его тѣлесномъ здоровьи и духовномъ настроеніи. Къ нему обращались съ просьбою помолиться, высказывали, что волновало ихъ и печалило; батюшка утѣшалъ скорбящихъ, ободрялъ ревнующихъ о молитвѣ.... Бѣднымъ изъ келліи своей онъ выносилъ милостыню, больнымъ давалъ совѣты относительно леченія, вручалъ имъ то масла изъ лампадокъ отъ кіевскихъ угодниковъ, то по-паевской воды, то просфорку, другимъ давалъ листочки и книжки духовно-нравственнаго содержанія. Въ келліи постоянно были посѣтители. Съ ними онъ охотно и привѣтливо бесѣдовалъ о всѣхъ вопросахъ, ихъ интересующихъ. Бывали и те, что посѣтители въ продолженіи цѣлаго дня чередуясь снимали у о. Симеона все время. Въ келліи его видѣлись и юноши и старцы, приходившіе со своими сомнѣніями, про-

сившіе совѣтовъ и наставленій, сюда приходили лица образованныя, надѣясь получить отвѣты на запросы своего духа, и здѣсь слышались нерѣдко оживленные разговоры о религиозныхъ предметахъ, причемъ о. Симеонъ послѣ посильныхъ отвѣтовъ вопрошающимъ давалъ тутъ же или потомъ послалъ книги, гдѣ находилось основательное разсмотрѣніе затронутыхъ во время бесѣды вопросовъ. Въ келлію о. Симеона входили простые, съ котомками на плечахъ, странники и странницы, явившіеся изъ далекихъ мѣстъ, чтобы принять напутственное благословеніе. Больные обращались за молитвою и утѣшеніемъ. Разнообразны нужды, съ какими перебывали у о. Симеона тысячи людей. Вотъ у о. Симеона рыдающія женщины, которыя изнемогали подъ бременемъ неудавшейся семейной жизни; батюшка молится съ ними, своимъ сочувственнымъ словомъ подкрѣпляетъ ихъ и убѣждаетъ терпѣливо нести крестъ, посланный Богомъ. Вотъ у него отецъ, скорбящій о непослушаніи и испорченности любимыхъ дѣтей, о. Симеонъ молится съ нимъ, даетъ совѣты какъ можно ихъ исправить, убѣждаетъ приучать ихъ къ молитвѣ, какъ самому важному средству для искорененія злой воли, при чемъ рассказываетъ поучительный случай про одного хозяина, который 12-ти лѣтняго разсѣяннаго, рѣзваго мальчика заставляялъ безпрестанно читать вслухъ молитву: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Прошло немного времени мальчикъ такъ привыкъ къ молитвѣ, что при всякомъ случаѣ, безъ принужденія, творилъ ее и совершенно измѣнился сдѣлавшись послушнымъ, кроткимъ и благоразумнымъ. Вотъ въ келліи батюшки—крестьянскій юноша, по лицу его текутъ слезы, видно, что онъ находится въ страшномъ горѣ и нерѣшительности. Юноша пришелъ за совѣтомъ. Его, живущаго съ матерью, сильно обидѣлъ дядя, завладѣвъ его имѣніемъ оставленнымъ отцомъ. „Ты здоровъ, можешь работать“? ласково спрашиваетъ о. Симеонъ у юноши.—Могу.—Богъ поможетъ тебѣ, замѣчаетъ пастырь, прокормишь себя и мать, и судись съ дядей, прости ему, пойдемъ въ храмъ—помолимся. Черезъ нѣсколько дней этотъ юноша пришелъ къ о. Симеону.

вполнѣ спокойнымъ, онъ простилъ и примирился съ дядей. Потерявшіе любимыхъ, дорогихъ сердцу, лицъ, ищутъ утѣшенія у любвеобильнаго о. Симеона; онъ обѣщаетъ молиться за покойныхъ, сочувственно поддерживаетъ скорбящихъ, даетъ для чтенія или даритъ книги: „Христіанское утѣшеніе скорбящимъ“, „Утѣшеніе въ смерти близкихъ сердцу“ еп. Гермогена. Нуждающіеся обращаются къ нему за посредничествомъ къ разнымъ лицамъ для устройства ихъ на мѣсто, для оказанія помощи, и онъ не отказывается—хлопочетъ. Бѣдные не отходятъ отъ о. Симеона съ пустыми руками, инокъ—безсребренникъ даетъ имъ то, что у него есть, разъ вручаетъ одному нуждающемуся послѣднее достояніе—часы, и даже разстается съ любимыми книгами. Отзывчивость о. Симеона на просьбы бѣдныхъ скоро становится извѣстною и вновь прїѣзжающимъ въ г. Вологду. Одинъ ссыльный, попавшій въ Вологду, пишетъ о. Симеону: „по всей Вологдѣ идетъ слухъ, что вы имѣете сочувствіе къ бѣдному народу“. Удрученные несчастіями и впадавшіе въ уныніе, даже намѣревавшіеся лишиться себя жизни, успокаивались ласковымъ словомъ о. Симеона и возвращались отъ него съ ободреннымъ видомъ и интересомъ къ прежней дѣятельности. Часто повторяемое имъ слово „не скорбите“ и благословеніе, по искреннему сознанію многихъ, имѣли особенную силу, проликали въ самое сердце, потому что чрезъ нихъ изливалось глубокое и сильное чувство.“

Приобрѣтенное теоретически и опытно знаніе духовной жизни и врачеваній, полезныхъ для исцѣленія отъ грѣховныхъ язвъ, въ связи съ избыткомъ любви его, жаждущей къ спасенію, стяжали ему уваженіе и славу духовнаго руководителя. Къ опытному врачу душъ шли обремененные грѣхами, побѣждаемые страстями, ища у него очищенія своего омраченнаго злыми чувствами сердца и прощенія беззаконій гасію, полученною отъ Бога въ таинствѣ священства.

Страшился о. Симеонъ брать на себя бремя грѣховъ людскихъ. Со стороны шли замѣчанія, что иноку не подобаетъ знать мірскихъ грѣховъ. Долго отказывалъ онъ

всѣмъ желавшимъ сложить предъ нимъ тяжести грѣховъ своихъ. Но настойчивыя просьбы ищущихъ только предъ нимъ исповѣдать тайны своего сердца, съ другой стороны, примѣръ св. угодниковъ—подвижниковъ, принимавшихъ на исповѣдь мірянъ, напр., преп. Θεодосія Печер., Авраамія Смоленскаго, бывшаго духовнымъ отцомъ „всего города“, и тѣмъ возбудившаго неудовольствіе городского духовенства, и др., наконецъ, разрѣшеніе и благословеніе преосв. Владыки, переломили прежнее рѣшеніе о Симеона; онъ, духовникъ ставленниковъ, испытывавшій ихъ совѣсть предъ рукоположеніемъ, согласился имѣть духовныхъ дѣтей среди мірянъ, впрочемъ, не отрывая ихъ отъ приходскихъ пастырей, но убѣждая и у нихъ исповѣдывать свои грѣхи во дни постовъ. У аналоя съ крестомъ и св. Евангеліемъ грѣшники калялись въ своихъ преступленіяхъ противъ Закона Божія, проливая слезы о своихъ паденіяхъ; плакалъ вмѣстѣ съ ними и духовникъ, и колѣнопреклоненный молился о прощеніи и заглаженіи грѣховъ, объ обновленіи жизни, о укрѣпленіи ихъ въ добрѣ. Рѣдкій исповѣдникъ уходилъ отъ него безъ возрождающаго и обновляющаго сокрушенія и плача о грѣхахъ своихъ. Черствыя сердца разогрѣвались отъ дыханія его любви и чистой молитвы. Такъ какъ изгибы челоѳического сердца тонки, запросы духа очень разнообразны, настроенность у разныхъ людей и средства для борьбы со зломъ не одинаковы, то о. Симеонъ, которому ближніе повѣряли всѣ свои тайныя помышленія и беззаконія, весьма внимательно и серьезно относился къ великому дѣлу исповѣди, пользуясь знаніями подвижнич. наставленій, указаніями опытныхъ духовниковъ и данными своей исповѣднической практики. Не даромъ же многіе отъ него именно надѣялись получить уврачеваніе духовныхъ ранъ. Одинъ образованный челоѳкъ писалъ ему: „я пришелъ къ тому убѣжденію, что безъ покаянія я не могу считать себя христіаниномъ и что покаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ пора. Но мое искреннее желаніе быть на духу у Васъ; я твердо увѣренъ, что Вы мнѣ въ этомъ не откажете, такъ какъ я вижу Ваше искреннее

христіанское сердце... можетъ быть, Вы укажете мнѣ, что я могу быть на исповѣди у другого священника, но Вы поймете, что хотя я ничего не имѣю и противъ другого, и что другой - кто есть священникъ Бога живаго, но не то, что нужно моей душѣ и сердцу.... я прошу Васъ, о. Симеонъ, не отказать мнѣ въ исповѣди, во-первыхъ, во имя Бога, и, во-вторыхъ, я вижу доброе ко мнѣ недостойному расположеніе Вашего сердца". Другая образованная духовная дочь о. Симеона писала къ одному священнику: „Вотъ уже скоро годъ, какъ я знакома съ батюшкой о. Симеономъ и глубоко уважаю его. Первая у него исповѣдь сразу переродила меня и точно открыла мнѣ глаза, а также и книжки, которыя онъ далъ мнѣ читать, дали моимъ взглядамъ, моимъ чувствамъ, совершенно другое направленіе, я поняла, что мы живемъ не для того только, чтобы жить, а живемъ, и здѣшней жизнию приготавливаемся къ будущей вѣчной жизни. Вникнувъ во все это, я и плакала и молилась, не знаю ужъ только, на сколько усердна была моя молитва". Что выразили въ письмахъ эти лица, то самымъ дѣломъ выражала вся та огромная масса народа, которая тѣснилась къ о. Симеону на исповѣдь, особенно въ дни постовъ. Простыя души сердцемъ почувствовали всю силу любви о. Симеона и его безкорыстнаго служенія духовнымъ нуждамъ ближнихъ. Исповѣдники у о. Симеона были не только въ посты, но и во все остальное время, такъ что почти каждую субботу въ Крестовой церкви можно было наслаждаться дивнымъ зрѣлищемъ, когда на возглашеніе діакона: „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“, благоговѣнно и сосредоточенно подходили ко св. Чашѣ желающіе причаститься св. Таинъ. Этотъ, возобновившійся во время сильныхъ толковъ о распространеніи невѣрія и неповиновенія св. церкви, порядокъ церковной жизни наполнялъ сердце созерцателей блаженнымъ упованіемъ и радостію, что въ народѣ жива та истинная вѣра и жажда нравственной чистоты и святости, какая съ особенною силою проявлялась на зарѣ христіанства. По субботамъ Великаго поста причастниковъ у о. Симеона бывало очень много. Батюшка не огра-

ничивался назиданіемъ исповѣдниковъ во время самой исповѣди, онъ наставлялъ ихъ и послѣ принятія ими св. Тайнъ поучая причастниковъ не оскорблять полученнаго великаго Дара новыми грѣхами, совѣтуя постоянно читать Иисусову молитву, внимательнымъ отношеніемъ къ своей духовной жизни и молитвою отгонять злые помыслы и движенія страстей. Къ о. Симеону ходили на исповѣдь и священники, съ ними онъ особенно по долгу и усердно бесѣдовалъ и горячо—горячо молился, смиренно прося молитвъ у исповѣдуемаго іерея; особенно проникновенно и съ глубокимъ чувствомъ читалъ онъ разрѣшительную молитву, троекратно благословляя крестомъ кающагося іерея. Не только жители города, но и сель и деревень являлись къ о. Симеону ради очищенія своей совѣсти, а нѣкоторые пріѣзжали къ нему для этой цѣли издалека, напр. изъ Москвы и др. городовъ. Тайне исповѣди крѣпкими узами связывала пастыря съ духовными дѣтьми, возбуждая въ первомъ сознаніе долга—всемѣрно заботиться о направленіи ихъ на путь добра, а во вторыхъ—желаніе слѣдовать всѣмъ его наставленіямъ и словамъ. По приглашенію, о. Симеонъ навѣщалъ духовныхъ дѣтей въ ихъ домахъ для совершенія молебновъ, причащенія больныхъ, главнымъ же образомъ для душеполезной бесѣды. Рѣчь его лилась быстрымъ потокомъ; въ подтвержденіе своихъ мыслей онъ приводилъ слова Господни и св. отцовъ, указывалъ на авторитеты еп. Теофана, о. Серафима Саровскаго, старца Амвросія, особенно же любилъ рассказывать случаи изъ жизни святыхъ по Прологу и Четьи-Минеямъ, съ которыми онъ былъ основательно знакомъ. Наглядные примѣры прекрасно иллюстрировали рѣчь его объ отвлеченныхъ предметахъ вѣры и нравственности. Онъ говорилъ ласково, снисходительно, просто. Для воздѣйствія на ледяныя сердца нѣкоторыхъ лицъ, напр., при примиреніи мужей съ ихъ женами по слезной просьбѣ послѣднихъ, онъ кланялся имъ въ ноги. Изрѣдка, когда того требовала необходимость, онъ былъ настойчивъ и строгъ.

Имѣя въ числѣ духовныхъ дѣтей лицъ просвѣщенныхъ, о. Симеонъ, желавшій быть полезнымъ всѣмъ, стремился стоять на томъ уровнѣ богословскаго знанія, на какомъ было возможно это въ его положеніи. Онъ съ глубокимъ интересомъ знакомился съ сочиненіями философовъ, преимущественно религіознаго направленія—у него были книги Влад. Соловьева, Несмѣлова и др.,—особенно же съ научнымъ разрѣшеніемъ религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ, которые волнуютъ современное общество. Онъ стремился къ знанію, чтобы духовнымъ дѣтямъ своимъ, имѣвшимъ разный умственный кругозоръ, въ нужныхъ случаяхъ дать посильный отвѣтъ на ихъ запросы съ православной церковной точки зрѣнія. О предметахъ серьезныхъ, требующихъ вдумчиваго обоснованнаго отвѣта, онъ давалъ вопрошающимъ письменныя объясненія. У него иногда возникала очень оживленная переписка по извѣстнымъ вопросамъ. Нѣкоторымъ духовнымъ чадамъ своимъ о. Симеонъ дарилъ книги, для нихъ нужныя, особенно же часто „Правило ко св. Причащенію“, приучая ихъ къ чтенію его и воспитывая любовь къ молитвѣ, обновляющей душу человѣка.

За попеченіе о духовномъ благѣ и отзывчивость духовныя дѣти платили о. Симеону сыновнею любовью, смиреннымъ послушаніемъ и глубокимъ уваженіемъ. Чистосердечно высказывали они ему свои недоумѣнія, принимали отъ него благословеніе предъ всякимъ важнымъ дѣломъ и предпріятіемъ, приносили къ нему свои лепты для благотворенія, такъ что черезъ руки о. Симеона текли эти лепты въ монастыри, просвѣтительныя учрежденія и къ немущимъ, нуждающимся людямъ. Къ нему обращались за совѣтомъ при рѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ, касающихся счастья и жизни любимыхъ существъ. Его слово было принимаемо всѣми съ полнымъ довѣріемъ и покорностію. Нѣкоторые посылали отцу Симеону описаніе своего духовнаго настроенія, обстоятельствъ предшествующей жизни съ просьбою указать путь, по которому имъ надо идти съ намѣреніемъ подчиниться сему указанію. Писемъ о. Симеонъ получалъ множество не только изъ

окрестныхъ мѣсть, но и отдаленныхъ, отъ лицъ разнаго пола, возраста, званія и положенія; были письма съ Аеона, изъ Кіева, Севастополя, Риги и др. Въ большинствѣ изъ нихъ слышались просьбы помолиться о здравіи или за упокой, выражается глубокая благодарность за наставленія, съ сердечнымъ умиленіемъ вспоминаются личныя бесѣды, излагаются успелныя просьбы благословить, не оставить своими наставленіями и совѣтами и послать книжекъ для чтенія; выражаются духовныя нужды и скорби то о маловѣрїи и неодобрительномъ поведеніи дѣтей, то о потерѣ близкихъ, то о скудости матеріальной, причемъ просятъ матеріальной помощи.

Отсутствіе личной жизни и интересовъ, нѣжная любовь, сердечная привѣтливость—вотъ что влекло къ нему и что покоряло сердца людей. Чарующая привѣтливость отличала его и въ домашнемъ быту. Окружающихъ его онъ называлъ не иначе, какъ „Костенька, Пашенька, Мишенька, родненькая“. Другая выдающаяся его черта—гостепрїимство было обаятельно: своихъ почетныхъ посѣтителей онъ никогда не отпускалъ безъ чаю и обильно старался угостить всѣмъ тѣмъ, что ему самому предложила усердствующая любовь его духовныхъ чадъ. За исповѣдь онъ ни отъ кого никогда не бралъ, и вотъ его духовныя чада несли ему въ даръ то книги, то иконы, то свои рукодѣлья, то варенье и булки и все, что придумывала горячая ихъ любовь.

О. Симеонъ миссіонеръ.

Добрыя качества души о. Симеона давали ему доступъ и къ грубымъ фанатикамъ раскольникамъ. Не только на православныхъ, но на всѣхъ находящихся внѣ спасительнаго корабля—церкви, простирались заботы ревнующаго о спасеніи о. Симеона. Онъ, снѣдаемый жалостью къ заблудшимъ съ пути истины, пользовался благопрїятнымъ случаемъ, чтобы вразумить всякаго изъ нихъ, кого только онъ встрѣчалъ на жизненномъ пути, и добровольно, по любви къ миссіонерскому дѣлу, по ревности о спасеніи погибающихъ предпринималъ

Внутренній видъ части Вологодскаго Древнехранилища.

иногда продолжительныя, трудныя и утомительныя путешествія одинъ или съ епархіальнымъ миссіонеромъ, являясь его дѣятельнымъ и усерднымъ сотрудникомъ. Такъ какъ бесѣды со старообрядцами необходимо требуютъ отъ православнаго собесѣдника знанія старопечатныхъ книгъ, и только то его слово имѣетъ вѣсъ въ глазахъ старообрядца, которое подтверждено книгою, имъ почитаемою, то о. Симеонъ всегда имѣлъ въ виду это необходимое условіе успѣха бесѣдъ, онъ старательно изучалъ древнія книги. Въ его келліи можно было видѣть старинные фоліанты—полупудовыя книги въ кожаныхъ потемнѣвшихъ отъ времени переплетахъ. Толстыя книги открывались, слышалось продолжительное чтеніе ихъ, какъ многоводная рѣка лилась рѣчь о. Симеона, поражающая богатствомъ свѣдѣній, когда въ его келлію заходили раскольники или имъ сочувствующіе, тяготѣющіе своими симпатіями къ обряду, употреблявшемуся при патр. Іосифѣ. Съ тяжелыми книгами ревностный пнокъ ходилъ въ нѣкоторыя дома раскольниковъ, живущихъ въ Вологдѣ. Болѣе удобнымъ мѣстомъ для бесѣдъ съ ними онъ считалъ Епархіальное древнехраанище. Видъ множества древностей вдохновлялъ его. Здѣсь всѣ предметы—св. сосуды, антиминсы, кресты, иконы—служили поводомъ къ разсужденіямъ; разсмотрѣніе ихъ давало обильный источникъ для нескончаемыхъ наставленій и убѣжденій. Во время пребыванія въ селахъ и деревняхъ съ миссіонерскими цѣлями о. Симеонъ всегда былъ при дѣлѣ. Онъ вступалъ въ разговоры о вѣрѣ со всякимъ встрѣчнымъ крестьяниномъ, то разъясняя сомнѣнія въ чистотѣ православія, навѣявныя раскольниками, то научая, какъ отвѣчать на ихъ нападки и защищать православную церковь. На бесѣдахъ, иногда продолжительныхъ, онъ терпѣливо и съ одушевленіемъ помогалъ миссіонеру то нахожденіемъ нужныхъ свидѣтельствъ въ старопеч. книгахъ и чтеніемъ ихъ, то своими доводами и доказательствами. Всѣ лишенія и невзгоды во время миссіонерскихъ поѣздокъ, всѣ трудности путешествія, иннокъ-миссіонеръ переносилъ благодушно, ради Бога. Случалось, что бесѣды тянулись подолгу, часовъ по 8—10, происходили въ

тѣсныхъ избахъ при массѣ народа, въ душевой тяжелой атмосферѣ, случалось послѣ бесѣды ночевать у приверженцевъ раскола, когда рясы служили постелью и покрываломъ, а подъ головою вмѣсто подушекъ были толстыя книги. Приходилось ѣзжать подъ проливнымъ дождемъ, въ невозможныхъ экипажахъ, иногда идти пѣшкомъ по грязной дорогѣ, перебираться чрезъ ручьи весеннею порой, отчего не разъ приключались у трудолюбиваго о. Симеона простудныя болѣзни. Упомянуть ли о страшныхъ хуленіяхъ на церковь, изрыгаемыхъ устами раскольниковъ-фанатиковъ, которыя слышалъ о. Симеонъ, объ явномъ ихъ противленіи истинѣ и упорствѣ, какихъ онъ былъ свидѣтелемъ, о личныхъ оскорбленіяхъ, ему наносимыхъ? Ко всему этому о. Симеонъ относился терпѣливо. Въ молитвѣ изнуренный собесѣдникъ находилъ умиротвореніе своему духу и утѣшеніе. Въ ночной молитвѣ, послѣ бурныхъ бесѣдъ, вырывались изъ его груди рыданія о противящихся истинѣ. Молитву покойный считалъ самымъ первымъ и необходимымъ средствомъ для воздѣйствія на душу заблудшихъ. Миссіонерско-просвѣтительное вліяніе о. Симеона на раскольниковъ не ограничивалось предѣлами Вологодской епархіи; изъ Вологды онъ посылалъ письма и книги, направленные противъ раскола его послѣдователямъ, своимъ знакомымъ въ Вятской и др. губерніяхъ. Въ пути, когда ему приходилось ѣхать въ вагонѣ желѣзной дороги или на пароходѣ, онъ, найдя въ числѣ пассажировъ приверженцевъ раскола, непременно вступалъ съ ними въ разсужденія о религиозныхъ вопросахъ, пользуясь книгами, необходимыя изъ которыхъ онъ имѣлъ съ собою всегда. Знаніями, добытыми опытомъ жизни, о. Симеонъ охотно дѣлился съ лицами, занимающимися миссіонерствомъ. Свои думы, сужденія покойный высказывалъ на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Вологдѣ въ 1902 году; съ особенною задушевностью онъ дѣлился фактами изъ своей миссіонерской практики въ дружественной бесѣдѣ съ пастырями, которымъ Господь привелъ служить въ приходахъ съ раскольническимъ населеніемъ. О. Симеонъ сроднился съ дѣломъ миссіи, онъ оживалъ при бесѣдахъ

о нихъ. Интересъ этотъ не оставлялъ его и на смертномъ одрѣ, онъ справлялся, что происходитъ въ мірѣ раскола и своимъ знакомымъ старообрядцамъ посылалъ поклонныя съ завѣтомъ отъ него, готовящагося отойти отъ земли ко Господу, обратиться къ св. Церкви.

Проникновеніе въ Вологодское городское общество молодыхъ идей толстовства и зараженіе взглядами рационалистическаго сектантства, замѣчаемое у нѣкоторыхъ горожанъ, съ которыми о. Симеонъ имѣлъ возможность встрѣчаться, или о которыхъ слышалъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей—обращало на себя вниманіе ревнующаго о спасеніи ближнихъ пастыря и побуждало его заботиться о противодѣйствіи напору ложныхъ мыслей и очищеніи нивы душъ человѣческихъ отъ сорныхъ плевелъ. Заразившихся жеученіями своихъ знакомыхъ о. Симеонъ осторожно лечилъ бесѣдою, просьбою прочесть предлагаемую статью, на незнакомыхъ дѣйствовали чрезъ посредство книгъ, которыя онъ имъ посылалъ; еще за нѣсколько дней до смерти онъ переправилъ одному интеллигенту, сочувствующему толстовству, книгу журнала „Вѣра и Церковь“ со статьею „Кто онъ?“, Троицкаго. Старанія о. Симеона, вѣримъ, были не безуспѣшны. И иновѣрцы, напр., католики, видѣлись въ числѣ его многочисленныхъ посѣтителей и выслушивали его, растворенныя любовью, рѣчи и основательныя сужденія о католичествѣ. Проникнутый миссіонерскимъ духомъ, о. Симеонъ горѣлъ желаніемъ—возвратить въ лоно церкви тѣхъ, „разлука съ которыми терзаетъ насъ“.

Болезнь и смерть о. Симеона.

Утомительныя путешествія, постоянныя труды, жизнь для другихъ, съ забвеніемъ собственнаго здоровья, подточили силы о. Симеона. Давно онъ чувствовалъ недомоганіе. За полтора года до смерти, послѣ поѣздки въ Москву для совѣта съ докторомъ, гуляя въ саду съ однимъ близкимъ ему челоувѣкомъ, когда и природа своимъ пышнымъ убранствомъ и все звало и манило къ жизни, о. Симеонъ говорилъ: „мнѣ

докторъ сказалъ, что, если я серьезно не отнесусь къ своей болѣзни, скоро умру. Что же? Смерть удѣлъ всякаго чело-вѣка, я не боюсь ее, вѣдь я монахъ“. Слова были сказаны такимъ тономъ, что спутнику говорившаго невольно пришли на мысль о немъ слова Апостола: ему еже жити—Христосъ, и еже умрети—приобрѣтеніе есть. Онъ горячо вѣрилъ въ промыслъ Божій, указующій пути чело-вѣку и назначающій дни его жизни. За полгода до смерти болѣзнь приняла серьезный оборотъ. Хотя привычка къ жизни и желаніе жить сказывались у больного, но онъ чувствовалъ, что едва ли онъ уже встанетъ. Поэтому всѣхъ ставленниковъ, имъ исповѣдуемыхъ, онъ просилъ помолиться о немъ, когда услышатъ о смерти ихъ духовника, самъ своею рукою написалъ нѣсколько записокъ, которыя должны быть поданы по церквамъ для молитвы объ упокоеніи его, лично просилъ пресвященнаго о разрѣшеніи предать тѣло его землѣ на кладбищѣ Успенскаго монастыря. Мысль его сроднялась со смертію, страшилась лишь грѣховъ и всецѣло обращалась къ милосердію Божію. Послѣ о. Симеона осталось собственноручное трогательное завѣщаніе: „Любезныя о Христѣ отцы и братія“ (см. въ концѣ). Болѣзнь о. Симеона (ракъ желудка) вызвала во всѣхъ почитателяхъ глубокое сожалѣніе; не только заявлялись они лично справляться о состояніи здоровья, но усиленно посылали письма то съ благожеланіями, то за справками о здоровьѣ, о ходѣ болѣзни, то съ увѣдомленіемъ о вознесенныхъ за его здоровье моленіяхъ въ св. обителяхъ, то преподавали совѣты и рецепты противъ постигшей болѣзни, то въ нихъ слышались неотступныя просьбы полѣчиться, то, наконецъ, высказываются высоконазидательныя утѣшенія и сочувствія отъ нѣкоторыхъ собратьевъ—іереевъ, освѣщавшихъ болѣзнь свѣтомъ вѣры Христовой. Скорбь нѣкоторыхъ почитателей доходила до высокой степени, раздавались сильные вопли тоскующей души: „Отдайте мнѣ Вашу болѣзнь и я буду страдать за Васъ; слезы ручьемъ потекли при вѣсти, что ѣдете въ Москву для леченія и, Богъ вѣсть, воротитесь ли? Я очень была рада, что приобрѣла себѣ духовника и мо-

литвенника, и Вы уѣдете, къ кому буду обращаться за наставленіями, и кто меня утѣшитъ въ скорби“? Въ болѣзни самъ о. Симеонъ писалъ письма въ разные обители, прося св. молитвъ. Съ сентября мѣсяца о. Симеонъ уже слегъ въ постель и рѣдко когда вставалъ пройтись по комнатѣ. Страшныя страданія онъ переносилъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ, такъ что постороннему могло иногда казаться, что онъ не страдаетъ. И во время болѣзни его любящее сердце не могло отказать желавшимъ у него еще исповѣдаться, онъ и больной принималъ на исповѣдь и исполнялъ обязанности духовника ставленниковъ. Онъ ласково встрѣчалъ всѣхъ, приходившихъ провѣдать его, каковыхъ въ прощальное Воскресеніе у него было до 30 человѣкъ, и несмотря на усталость любезно бесѣдовалъ со всѣми. О. Симеонъ за все время болѣзни трижды соборовался, многократно исповѣдывался и приобщался св. Таинъ: это служило для него большимъ облегченіемъ и утѣшеніемъ. Въ минуты облегченія острой боли о. Симеонъ, бывало, вдругъ запоетъ какую либо духовную пѣснь; мысли его постоянно витали въ церковной службѣ, которая для него составляла истинную усладу. Во все время болѣзни его окружала родная мать и нѣкоторые почитатели. Въ самыя послѣднія минуты, къ удивленію окружавшихъ, о. Симеонъ силится подняться на ноги, говоря про себя: „пора, пора... въ церковь, вѣдь Владыка уже пришелъ... надо служить...“, едва уложенный въ постель, онъ погрузился въ полное забытѣе, и на лицѣ страданіе смѣнилось тихимъ покоемъ—два, три вздоха,—и о. Симеонъ переселился въ вѣчность.

Въ келліи умершаго начались панихиды, которыя почти непрерывно продолжались до самаго выноса—9-го марта. Отпѣваніе по чину священническому было совершено въ Крестовой церкви при огромномъ стеченіи народа. За причастнымъ стихомъ инспекторъ семинаріи священ. А. Лебедевъ произнесъ слѣдующее слово, которое было выслушано съ большимъ вниманіемъ (см. въ концѣ).

На отпѣваніе, кромѣ сослужившихъ Владыкѣ въ литургіи—игумена Игнатія, ключаря о. Бѣлкова, о. Поддьякова и іером. Иннокентія вышли: ректоръ и инспекторъ семинаріи, городскіе священники: А. Суровцовъ, Ѳ. Казанскій, І. Костровъ, А. Поповъ, Н. Карауловъ, В. Кулаковъ и сельскіе: В. Соколовъ и Н. Панцыревъ. Предъ отпѣваніемъ Владыка сказалъ прочувствованную, вызвавшую обильныя слезы въ слушателяхъ, рѣчь: онъ говорилъ приблизительно такъ: „Задумывались ли, Вы—други мои, о смыслѣ и цѣли жизни? Всѣ почти мы рѣдко думаемъ о семъ, рѣдко заглядываемъ въ ожидающее насъ будущее загробное; многіе утѣшаютъ себя думами: долго еще... блага міра прельщаютъ ихъ... простыя же глубоко вѣрующія души чаще думаютъ о семъ и вѣрнѣе угадываютъ и сознаютъ истинную цѣль и смыслъ земнаго бытія и всей своей жизнью стремятся достигать этой цѣли; вотъ и этотъ нашъ собратъ, лежащій во гробѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалека пришелъ ко мнѣ, оставилъ родину, оставилъ службу, пришелъ и со слезами на глазахъ говорилъ: „прими меня, спаситесь хочу“, это простое, но искреннее слово раскрывало внутреннее его души; подобные люди нужны и дороги для церкви Божіей и вотъ при всей своей скромности, безъ обширной и многосторонней учености, онъ вѣрно взялся за душеспасительное дѣло, не искалъ онъ ни извѣстности, ни славы, а дѣлалъ Божіе дѣло въ тиши; и посмотрите, уже это одно ваше многолюдное стеченіе къ его гробу увѣряетъ, что онъ не тщетно жилъ; онъ стяжалъ великую любовь, привлекъ къ себѣ многочисленныя сердца; вы своимъ присутствіемъ доказываете, какъ дорогъ былъ для васъ усопшій. Что значатъ ваши слезы и воздыханія? Чѣмъ онъ вызвалъ ихъ? Своею всеобъемлющею любовію; одинаково онъ ее являлъ ко всѣмъ, и къ нищетѣ, и убожеству, и богатымъ и славнымъ; невѣдомо никому текла его жизнь и вотъ только при гробѣ обнаружилось, какой онъ достигъ славы, славы не земной, временной и преходящей, а загробной—вѣчной, единственно истинной славы, славы, въ которой одной только истинный пастырь долженъ поставлять всю свою цѣль.

Подобные почившему свѣтлыя дороги и цѣнны; онъ оставилъ великій урокъ всѣмъ намъ—и пастырямъ—трудиться на пользу пасомыхъ, и пасомымъ—слѣдовать пастырскимъ внушеніямъ и увѣщаніямъ. Велики были труды почившаго; можетъ быть, они и сократили его жизнь, но не намъ судить объ этомъ; это дѣло промысла Божія,—а намъ наглядно въ его жизни указанъ путь искать въ своей дѣятельности славы не земной, а небесной—Божіей славы, въ ней одной искать и получать оправданіе всѣхъ нашихъ земныхъ трудовъ!“

Послѣ отпѣванія открылось замѣчательное погребальное шествіе: съ большимъ трудомъ среди переполниваго весь дворъ Архіер. дома народа былъ вынесенъ гробъ на улицу; здѣсь всюду стояли необозримыя толпы народа; по выходѣ съ архіерейскаго двора длинная вереница движущейся массы заняла всю дорогу отъ собора до самаго женскаго монастыря, наперерывъ спѣшили понести гробъ усопшаго; всюду выходилъ на встрѣчу народъ. При вступленіи въ обитель гробъ былъ взятъ сопутствовавшими іереями: здѣсь во вратахъ встрѣтилъ процессію Владыка въ сопровожденіи сестеръ обители; неожиданная встрѣча Владыкой произвела необыкновенное впечатлѣніе: вся эта масса народа какъ будто воодушевилась и внутренно, въ своихъ сердцахъ, благодарила Владыку за такое вниманіе къ ихъ общему молитвеннику и пастырю; весь монастырь былъ заполненъ народомъ: всюду и на перилахъ, на могильныхъ памятникахъ и на деревьяхъ видѣлись человѣческія лица... Обходя кругомъ храма, Владыка трижды совершалъ литію, а предъ могилой звучнымъ, воодушевленнымъ голосомъ сказалъ: „Прежде чѣмъ сокроется гробъ этого дорогого труженика, отъ имени его благодарю Васъ всѣхъ за довѣріе и любовь къ почившему пастырю; да, братія сопастыри, сами видите: жатва велика, и это многолюдное собраніе представляетъ почву благодатную для сѣянія; пасомымъ слѣдуетъ внимать поученіямъ пастырей, а Вамъ трудиться нелѣпно на этой почвѣ; такое единеніе паствы съ пастырями особенно знаменательно и желательно въ наше время маловѣрія; и мнѣ особенно дорого засвидѣтельствовать

такой искренній союзъ пастыря съ пасомыми. Поучимся же у сей могилы чаще обращать свои думы и чувства отъ тлѣннаго къ нетлѣнному, отъ временнаго—къ вѣчному, отъ грѣховнаго безславія—къ чистой святой славѣ“. Не успѣлъ подняться могильный холмъ, какъ послышались заупокойныя моленія усердствующихъ душъ: тотчасъ была отпѣта не одна паннихида по заказу почитателей. Народъ долго не расходился, какъ бы въ тяжеломъ раздумьѣ о великой своей потерѣ. Любящая рука инока Мартиніана и другихъ усердствующихъ тотчасъ же воздвигла на могилѣ крестъ, украсивъ его святою иконою и лампадою, и потомъ возложили на ней вѣнки и вѣтви зелени.

Миръ твоей любвеобильной душѣ, о. Симеонъ!

Любезные о Христѣ отцы и братія!

Всеусердно, Самимъ Господомъ Богомъ прошу и молю не оставить моего убогаго прошенія. Когда Господу Богу угодно будетъ взять многогрѣшную душу изъ трекаяннаго тѣла, прошу покорно ради милосердія Божія неисчетнаго ради Божіей Матери и всѣхъ святыхъ не оставить трекаяннаго меня въ святыхъ своихъ и благопріятныхъ къ Господу Милосердному молитвахъ поминовеніемъ во время Божественной литургіи въ приносимой безкровной жертвѣ объ оставленіи и прощеніи грѣховъ, всемирно прошу и молю моихъ дорогихъ отцевъ и братій, и искреннихъ благодѣтелей.

Аще кого чимъ оскорбилъ или соблазнилъ, яко человекъ всеусердно прошу прощенія, и всѣхъ моихъ къ вамъ досадъ, обидъ и оскорбленій не помнитъ и всѣ мои вины и недостатки загладитъ и покрытъ одеждою милосердія и непамятозлобія. Ей, еще отъ всѣхъ прошу прощенія, елико въ жизни чѣмъ кого прогнѣвалъ или зломъ за зло воздавалъ. Самимъ Господомъ непамятозлобнымъ и Всемогущимъ прошу и умоляю чтобы я неключимый, ничего не стоящій былъ прощенъ и разрѣшенъ и великогрѣшный всѣхъ прощаю отъ всѣхъ грѣховъ ихъ ко мнѣ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь

С Л О В О

при погребеніи іеромонаха Симеона.

Пришлецъ азъ есмь на земли (пс. 118, 19).

Что значить сіе многочисленное собраніе окрестъ гроба сего? Зачѣмъ разнообразный сонмъ людей обходитъ его? Тянулись длинныя вереницы молящагося люда въ келлію новопреставленнаго, присиѣли и сюда въ храмъ Божій и, навѣрное, спослѣдствуютъ даже до самаго мѣста земнаго упокоенія; почти неумолкаемо слышались заупокойныя моленія, ясно горѣли свѣчи усердствующихъ. Что за причина сего внутренняго единенія окрестъ движущагося народа съ подлежащимъ во гробѣ семъ? Кто въ немъ поживаетъ? Пришлецъ на земли чуждей!... Почти восемь лѣтъ тому назадъ съ далекихъ странъ сѣвера прибылъ въ нашъ городъ безвѣстный человѣкъ—послушникъ; тихо, укромно, недовѣдомо ни для кого поселился при св. храмѣ семъ и воспріялъ на себя труды чтеца и пѣвца; съ самой ранней юности онъ возлюбилъ сіе св. дѣло; будучи призванъ къ служенію церкви и своимъ происхожденіемъ и первоначальнымъ воспитаніемъ, онъ съ охотою и усердіемъ отдался ему. Его рвеніе къ службамъ Божиимъ обратило на себя вниманіе и привело на высшія ступени клира; онъ неустрашимо подъялъ на свои рамена иноческое званіе, поручивъ себя небесному покровительству своего земнаго соотечественника, пр. Симеона Верхотурскаго; благоговѣйная настроенность инока скоро возвела его на степень священства, Симеонъ призванъ былъ къ отвѣтственному званію духовнаго отца всѣхъ возводимыхъ въ клиръ и рукополагаемыхъ в

священные степени. Чтобы восполнить недостатокъ духовной опытности и чтобы встать въ уровень своихъ новыхъ духовныхъ чадъ о. Симеонъ доканчиваетъ прерванное свое образование; выслушиваетъ полный курсъ богословскихъ наукъ при здѣшней духовной семинаріи и получаетъ за свой успѣхъ первую ученую степень богословскаго знанія. Вотъ все его внѣшнее дѣланіе, но не въ немъ кроется тайный двигательъ сердца, привлеченныхъ къ его гробу. Духовная мощь, внутренняя высота, превосходящая его внѣшнее положеніе, составляетъ разгадку стеченія сонма людей, непрерывно смѣнявшагося и днесъ обстоящаго его гробъ. Достигши степени священства, о. Симеонъ всецѣло отдается и погружается на служеніе св. церкви и ближнимъ, и оно является для него подвигомъ всей жизни. Церковь Божія, частое служеніе Божественной литургіи,—стало предметомъ его задушевныхъ желаній и стремленій; на семь пути онъ не зналъ ни отдыха, ни усталости. Трудясь постоянно надъ очищеніемъ своего сердца, пребывая въ духовномъ дѣланіи иноческаго званія, обогащаясь и оживотворяясь благодатными дарами вседѣтельнаго Духа, о. Симеонъ возвышается среди окружающей народной толпы, оставаясь внѣшне въ своей скромной доли; его дѣланіе какъ духовнаго отца расширяется. Вѣрующія и простыя души сердцемъ почувствовали таинственное влеченіе; къ нему потекли сотни и даже тысячи людей и сразу ощутили отзывчивую любящую душу, могущую спострадать ихъ немощамъ и скорбямъ,—и всѣ труждающіеся и обремененныя въ своей совѣсти понесли къ нему и свое горе, и свои недуги, и свои скорби, и свои радости. Народная молва росла и разносила слухъ о сердобольномъ труженикѣ и молитвенникѣ; не только горожане, но и изъ дальнихъ весей нашей страны спѣшили къ бодренному и неутомимому иноку то за совѣтомъ, то за утѣшеніемъ, то за помощью даже матеріальною, а главнѣе всего съ желаніемъ сложить предъ нимъ тяжкое бремя грѣховъ своихъ. Сей св. храмъ бывалъ многократно свидѣтелемъ его трудовъ и тѣснившейся около него народной толпы. Въ это-то страдное для него время привелось и мнѣ

сойтись ближе и встать во взаимное духовное руководство съ предлежащимъ во гробѣ семь странникомъ въ землѣ нашей. Почти три года тому назадъ, готовясь принять священный санъ, по обычаю ставленниковъ, пришелъ и я сложить бремя своей совѣсти при свидѣтельствѣ труженика-инока: осталась памятна та моя исповѣдь, имѣвшая особое значеніе въ моемъ служебномъ шествіи. Въ сознаніи величія предпринимаемаго мною подвига послѣ многихъ лѣтъ мірскаго житія и въ сознаніи своего недостойнства, я былъ искушаемъ злымъ духомъ, и *воздрема душа моя отъ унынія* (пс. 118, 18) бѣсовскаго. И въ это мрачное мое состояніе, какъ яркій лучъ, неудержимо вторгалось слово о Симеона, полное вѣры, упованія и любви; воскриляемый его горящимъ духомъ и сквозь слезы проторгающимся любящимъ его сердцемъ, я ощуительно обновлялся духомъ и безъ удручающаго душевнаго смятенія шествовалъ въ восхожденіи по степенямъ священства. Что я самъ испыталъ, то безъ сомнѣнія еще въ большей степени испытывали его чада духовныя, число которыхъ быстро возрастало. Въ этомъ высококомъ служеніи о Симеона скорбящимъ людямъ воочію открывалась чудесная тайна исповѣди, которая одна преимущественно рождаетъ людей въ новую жизнь и содѣлываетъ духовное тѣсное родство отца съ духовными дѣтьми. Исповѣдь, въ дѣлѣ священническаго служенія, одна изъ самыхъ трудныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, но за то она—могущественное и единственное средство вліянія духовнаго на души пасомыхъ. Въ этой области о Симеонъ являлся по истинѣ великимъ труженикомъ и властителемъ душъ человѣческихъ: онъ умѣлъ подойти къ болящему душой грѣшнику, снисходя къ его немощамъ своимъ участіемъ, и трогательными слезами цѣлительно врачуя и обвязывая его наболѣвшія раны; при исповѣди онъ являлся сердобольнымъ отцомъ, другомъ и утѣшителемъ. Не обинуясь можно сказать, что его многочисленныя духовныя, дѣти питали къ нему неподдѣльное искреннее уваженіе и хранятъ его завѣты и поученія паче злата и серебра. По чудному стеченію обстоятельствъ ставши духовнымъ пастыремъ, я сталъ духовнымъ отцомъ и для многихъ

духовныхъ чадъ о. Симеона: и словесно и письменно привидилось мнѣ слышать самыя восторженныя отзывы о его исповѣди; онъ умѣлъ глубоко проникать въ кающуюся душу, затрогивать самыя чувствительныя струны даже черствыхъ сердець; рыданія и вопли почасту слышались за его исповѣдію. Его дух. чада точно впервые узнавали себя, становились лицомъ къ лицу съ собою, при сопоставленіи своего внѣшняго поведенія съ внутреннимъ состояніемъ, и въ сладостныхъ слезахъ какъ бы измывались отъ своей грѣховности, перерождались для иной лучшей жизни. На сіе духовное возрожденіе о. Симеонъ не жалѣлъ ни силъ, ни трудовъ, и не сіе бремя вполнѣ безкорыстно, являясь истиннымъ безсребренникомъ; не щадилъ своего покоя и въ своей уютной келліи и сюда къ нему шли то за благословеніемъ, то за утѣшеніемъ; и всегда ласковый и привѣтливый умѣлъ поднять упавшій духъ. По приглашенію своихъ дух. чадъ о. Симеонъ выходилъ и въ жилища послѣднихъ: всюду лилась изъ его устъ бесѣда самая благоговѣйная и живительная. Въ минуты житейскихъ испытаній всякій могъ встрѣтить у о. Симеона смышлый глубокой сердечный откликъ. Воодушевляясь подвигамъ великихъ современныхъ подвижниковъ—Серафима, Теофана Амвросія и Макарія, о. Симеонъ все болѣе и болѣе отдавалъ на служеніе страждущему человѣчеству; ни одна минута не проходила у него задаромъ; то онъ на службѣ Богу, то въ бесѣдѣ съ требовавшими его слова, то въ перепискѣ со многими лицами, вопрошавшими его, то за чтеніемъ книгъ, которыми была загромождена вся его келлія. Окидывая взоромъ минувшія картины и лично переживая дыханіе его чистой любви и проникновенной молитвы, невольно воскриляешься духомъ и славословишь Творца за такое теплое и любовное служеніе человѣчеству среди холоднаго и разсчитаннаго міра... Сколь удивительна и благодѣтельна та незримая сила вѣры, которая, проявляясь въ одномъ человѣкѣ, приводитъ чудеса, спасаетъ цѣлыя тысячи отъ духовной смерти и възгрѣваетъ жизнерадостное настроеніе даже въ самыхъ злостраданіяхъ. По истинѣ вѣра наша и доселѣ непреложа

есть *побѣда*, побѣждающая міръ во злѣ лежащій; никакія измышленія человѣческаго ума не могутъ стереть слезы съ лица земли, только одна вѣра Христова всеильно облегчаетъ людское горе, и какъ поэтому дороги для сердца эти горяшіе свѣтильники, которые, горя сами тихимъ немерцающимъ пламенемъ, умѣютъ воспламенять и возжигать свѣточн ея и въ другихъ душахъ, съ избыткомъ удѣляя отъ ея своего; это настоящіе благодѣтели человѣчества. Появленіе ихъ въ какой либо точкѣ земного шара есть по истиннѣ благодѣяніе Божіе къ грѣшному человѣчеству. Высокимъ и благодѣтельнымъ свѣточемъ вѣры и любви являлся и среди насъ присноблаженный о. Симеонъ; немного было житія его, но онъ исполнилъ *много*. Его свѣтильничъ вѣры не погасаль и среди непріязни міра; врагъ человѣческой, видя успѣхи его въ служеніи ближнему, не оставляль его въ покоѣ и строилъ козни: порицанія и клеветы проносились и надъ его головой, но мужественный ратоборець видѣль, откуда нисходятъ преплоны, и не покидалъ оружія; твердо несъ знамя св. вѣры и подъ кровомъ св. церкви обрѣталъ себѣ помощь и подкрѣпленіе и безбоязненно продолжалъ подвизаться подвигомъ добрымъ даже до самыхъ послѣднихъ дней, пока окончательно не сразила его лютая болѣзнь. Съ оскуднѣемъ крѣпости тѣлесной не ослабѣвала его дивная вѣра; онъ всегда находился въ молтвенномъ настроеніи, окруженный въ обиліи знаками благочестія; и на одрѣ болѣзни его душа стремилась прискренне входить въ общеніе со Христомъ-Спасителемъ чрезъ неоднократное принятіе благодатныхъ даровъ въ таинствахъ елеосвященія, исповѣди и причащенія и не переставала приносить пріятную жертву Богу глубокимъ смиреніемъ предъ волю Провидѣнія и нищетою духовной. Въ этомъ предсмертномъ бореніи о. Симеона мнѣ, принявшему съ свое время отъ него много дух. помощи, суждено было хотя отчасти вознаградить его посильнымъ словомъ утѣшенія; я, благодарный дух. сынъ его, сталь его духовнымъ отцомъ и былъ свидѣтелемъ его искренняго покаянія, его чистой и самоотверженной жизни. Богоугодно и неблаженно онъ скончалъ свое земное теченіе.

И мы вѣруемъ и молимъ Всевышняго, да удостоитъ онъ при-
снопамятнаго о. Симеона за труды и болѣзни служенія и пред-
стоянія предъ Небеснымъ Вѣчнымъ Архіереемъ-Спасителемъ
нашимъ,—и тако *соблюдется* ему *внѣць правды*. Скорбію объ-
емлются сердца твоихъ дух. чадъ при твоёмъ преждевремен-
номъ отшествіи отъ насъ, присноблаженный отче, но прекло-
няемся предъ волею Провидѣнія и, обстоя въ послѣдній разъ
окрестъ тебя бездыханнаго, приносимъ слезы признательности
и земное поклоненіе и, аще стяжешь дерзновение у Господа,
предстательствуй о насъ предъ престоломъ Царя Небеснаго,
какъ любилъ горячо молиться здѣсь о всѣхъ. Аминь.

Священникъ Алексѣй *Лебедевъ*.

